

УДК 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-24-32

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Быков И. А., Медведева М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Российская Федерация

Аннотация.

Целью статьи являлось уточнение понятия «медиаграмотность» в контексте информационной безопасности.

Процедура и методы исследования включали обзор специальной литературы по проблеме представлений о медиаграмотности, качественный анализ специальной литературы и юридических документов, которые способствуют развитию медиаграмотности в России и за рубежом.

Результаты проведенного исследования показывают, что медиаграмотности отводится важнейшее место в современной политике, так как она может играть важную роль в информационной безопасности государства.

Теоретическая/практическая значимость заключается в обобщении сведений относительно понятия «медиаграмотность» и формулировке современной роли данной дефиниции в рамках системы информационной безопасности.

Ключевые слова: медиаграмотность, медиакомпетентность, информационная безопасность, фейк-ньюс, постправда, информация, политическая коммуникация.

MEDIA LITERACY AS PART OF THE INFORMATION SECURITY SYSTEM

I. Bykov, M. Medvedeva

Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., Saint-Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract.

Aim. To clarify the concept of media literacy in the context of the information security system.

Procedure and research methods. The paper presents a brief review of available literature on the problem of media literacy. The main research method was a qualitative analysis of specialized literature and legal documents contributing to the development of media literacy in Russia and abroad.

Results. It is shown that media literacy plays a crucial role in modern politics, as well as in the information security of any state.

Theoretical / practical relevance. The paper reviews theoretical and legal literature pertaining to the concept of media literacy. The definition of media literacy is formulated from the standpoint of information security.

Keywords: media literacy, media competence, information security, fake news, post-truth, mass media, political communication

Введение

Уже два года назад Мария Захарова, официальный представитель МИД, на брифинге заявила¹ о том, что Россия начинает борьбу со СМИ, которые распространяют выдуманную или ошибочную информацию о России. «На сегодняшний день есть понимание, что тиражирование новостей, выдаваемых за правду о нашей стране, в западных мейнстримовых СМИ приобрело характер масштабной эпидемии», – отметила она. На сайте МИД появился и работает специальный раздел², который содержит список публикаций в зарубежных СМИ. Среди них публикации о причинах смерти Виталия Чуркина в *The Observer*, статья *Bloomberg* с обвинениями в адрес российских хакеров, которые якобы вмешивались в президентскую кампанию во Франции, материал *The New York Times* о том, что Россия разместила ракетные комплексы в нарушение договоренностей с США и т. п. Публикуемые в этом разделе материалы имеют специальную маркировку или круглый штамп с надписью «FAKE, it contains fake news»³.

В чем-то похожую войну с ведущими западными СМИ уже не первый год ведёт президент США Дональд Трамп, который на первой же пресс-конференции в должности Президента обвинил журналистов в предвзятости и распространении «фейковых» (лживых) новостей. В разряд таковых попала история о связи Трампа с российскими политиками. Трамп так прямо и заявил: «Россия (имелась в виду вся история про связи Трампа с Россией) – это фейковая новость!»⁴. Очевид-

но, что мы являемся свидетелями весьма неожиданного развития событий, когда политики и пресс-секретари вступают в прямую конфронтацию с журналистами ведущих мировых средств массовой информации. А ведь это идет вразрез со старинной поговоркой: «журналисты – это как крокодилы: их сложно любить, но их нужно кормить». Подразумевается, что политикам очень желательно поддерживать с журналистами хорошие отношения, так как в противном случае негативная информация в СМИ рано или поздно подрывает любой, даже самый впечатляющий имидж и любую, даже самую крепкую репутацию.

Лучше всего сложившаяся ситуация может быть объяснена в рамках концепции «постправды», которая исходит из того, что сегодня объективные факты становятся менее значимыми при формировании общественного мнения, и что более важную роль в массовом сознании играют эмоции и личные убеждения [5]. В этих условиях политики могут совершенно спокойно говорить об «альтернативных фактах» и «новой откровенности», иногда договариваются до того, что «фактов вообще нет, а есть только интерпретации». В политической борьбе побеждают не те, кто обладают объективными фактами, а те, кто умеют правильно интерпретировать любую ситуацию и вступать в эмоциональный контакт с избирателями и целевыми аудиториями. Весь политический процесс превращается в «игру ума аналитиков и политтехнологов – кто кого «переинтерпретирует» [6].

Цель статьи заключается в уточнении понятия медиаграмотность в контексте информационной безопасности. Данная работа содержит краткий обзор специальной литературы по проблеме представлений о «медиаграмотности» в России и за рубежом. Основным методом исследования в статье выступает анализ

ference-amazing-day-in-history/ (дата обращения 09.11.2019).

¹ МИД объявил войну «фейковым новостям», 22.02.2017 [Электронный ресурс] // RNS. – URL: <https://rns.online/articles/MID-obyavil-voinu-feikovim-novostyam-2017-02-22/> (дата обращения 09.11.2019).

² URL: <http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii>

³ в пер. с англ.: «Осторожно! Выдуманные новости»

⁴ Collinson S. An amazing moment in history: Donald Trump's press conference, 16.02.2017 [Электронный ресурс] // CNN. – URL: [http://edition.cnn.com/2017/02/16/politics/donald-trump-press-con-](http://edition.cnn.com/2017/02/16/politics/donald-trump-press-conference-amazing-day-in-history/)

юридических документов, которые способствуют развитию медиаграмотности. Данное исследование представляется высоко актуальным, поскольку в современном мире медиаграмотность может сыграть важнейшую роль для противодействия медиаманипуляциям, популизму и информационным дисфункциям. Разумеется, работа по профилактике медиадисфункций может вестись и на стороне профессионального сообщества журналистов, как это предлагает делать известный российский исследователь С. Н. Ильченко [2]. Однако в данной статье речь идет о работе с массовыми аудиториями СМИ и социальных медиа.

Исследования медиаграмотности в России

За рубежом развитием медиаграмотности массовой аудитории занимаются уже давно. К примеру, в США уже более 25 лет существуют основные принципы обучения медиаграмотности, сформулированные Национальной ассоциацией медиаобразования¹. Данная организация активно функционирует и занимается вопросами развития медиаграмотности населения. В России интерес к данной проблеме также возник довольно давно. Исследования ее проводятся преимущественно по нескольким научным специальностям: педагогике, филологии, психологии и политическим наукам.

Итак, отдельные исследования, посвященные изучению медиаграмотности, существуют в педагогике и филологии. Эта группа источников, как правило, о принципах формирования медиаграмотности молодежи, педагогов и старшего поколения. Можно отметить работу А. А. Немирич [4], в которой отражены специфические черты формирования медиаграмотности детей дошкольного возраста в результате медиаобразования. Интересный факт, что, несмотря на столь

ранний возраст, у детей уже формируется медиаграмотность под действием тех «умных» гаджетов, которые окружают ребенка. Правда, как отмечает исследователь, их воздействие очень часто приводит к процессам, обратным формированию критического мышления в восприятии информации, т. к. зачастую ребенок просто воспринимает всю информацию на веру и не имеет нужды в критической оценке происходящего. Также важным результатом исследований является разделение медиаграмотности в зависимости от ступеней образования:

- 1) медиаграмотность (дошкольный возраст);
- 2) медиаобразованность (с 1 по 9 классы)
- 3) медиакомпетентность (с 10 класса до 3 курса университета)
- 4) медийную культуру и медиаменталитет (с 4 курса и далее до начала профессиональной деятельности).

Такое значительное уточнение, конечно, помогает лучше понимать сущность того, из чего складывается понимание медиаграмотности, однако затрудняет формирование общеупотребимого понятия, которое было бы условно используется каждым в повседневности.

В своих работах А. А. Немирич дает отсылки на исследования А. В. Федорова. У последнего есть несколько значительных трудов по медиаграмотности и медиаобразованию [7]. Примечательно, что напрямую эти два термина еще не звучат в названиях работ авторов; преимущественно там используются термины «критическое мышление» и «диалектическое мышление». Однако сама формулировка смысла названий уже достаточно четко оформляет тот факт, что наука постепенно рассматривает критическое мышление значительно шире. Что значение этого достаточно простого навыка в современном мире куда больше, чем можно было бы предполагать в любой другой исторический период.

Другая группа источников – это исследования по психологии. Здесь доста-

¹ См.: на сайте организации *National Association for Media Literacy Education* (<https://namle.net/about-namle/namles-history>).

точно обширный сегмент из работ как российских, так и зарубежных авторов. Стоит выделить работы М. В. Жижиной [1]. В своих статьях она понимает медиаграмотность как медиакомпетентность, которую личность может получить только в процессе медиаобразования. Также она связывает медиаграмотность с понятием медиамира. Условно говоря (по Жижиной), медиаграмотностью можно назвать способность субъекта ориентироваться в медиамире, осваивать присущие ему медиастереотипы поведения и учиться уметь защищать себя от негативного в медиамире (так называемая «защита персональной идентичности»). Понимание медиаграмотности она выводит из обширного обзора иностранных источников, таких, как труды медиапсихолога П. Винтерхофф-Шпурк, выделявшего шесть основных критериев медиакомпетентности; В. Вебера, который также говорит об основных навыках, которыми должен обладать медиакомпетентный человек. Среди последних он, кстати, на первое место ставит способность отбирать из того, что может предложить медиа.

Интересны источники по медиаграмотности в разрезе политической культуры. В частности, труды А. А. Казакова тоже отчасти базируются на понимании медиаграмотности как результата медиаобразования [3]. Он подчеркивает, что в разрезе политической культуры данное понятие играет в современном мире ключевую роль в связи с тем, что составные части политической культуры человека и гражданина (большинство исследователей сегодня выделяют в качестве базовых убеждения и модели поведения) формируются под сильнейшим влиянием средств массовой информации. Казаков выделяет несколько компетенций, которые формируют медиаграмотность: поиск информации, анализ, критическое мышление, ориентация, педагогическое средство, защита, создание медиапродукта.

Понятие медиаграмотности в российской науке представлено довольно широко и часто употребляется в связке с медиакомпетентностью и медиаобразованием, отчасти – с посыла работ А. В. Федорова, где представляется, что медиаграмотность – это часть более широкого понятия «медиаобразование». Относительно же термина, например, «медиакомпетентность» он отмечает, что термин более присущ немецкой науке. И в целом определяет его, исходя из определений различных немецких ученых, как совокупность навыков индивида использовать, анализировать и критически оценивать информацию [8].

Исследования медиаграмотности за рубежом

В целом же исходя из работ отечественных ученых относительно зарубежного опыта по определению дефиниций медиаграмотности и медиакомпетентности, можно отметить, что в разных странах неодинаково подходят к определению понятий и где-то медиаграмотность и медиакомпетентность имеют очень близкие по смыслу определения. Объединяет весь этот кругозор определений такой навык, как критический анализ или критическая оценка, так как большинство учёных сходятся во мнении, что именно его можно поставить во главу угла. Ещё, пожалуй, примечателен тот факт, что от отрасли науки, на которой специализируется учёный очень сильно зависит вид определения медиаграмотности, который мы получим на выходе. Однако мы в своём исследовании не ставили целью охватывать все зарубежные представления о медиаграмотности, мы сконцентрировались непосредственно на европейских исследованиях, чтобы, возможно, вскрыть некие теоретические и практические противоречия.

Итак, важную роль для данной статьи играет понимание медиаграмотности как отдельного феномена. В зарубежной науке имеется целый ряд определений,

сформулированных различными авторами. Мы начнём, наверное, с наиболее общих каких-то понятий, и далее будем переходить к более конкретным и частным. Довольно популярным является определение, представленное в работе [11], которое феномен медиаграмотности формулирует как всеобъемлющее понятие, связанное с доступом к материалам СМИ и их критической оценкой. В целом определено довольно широко и не особенно конкретно. Но здесь уже подчёркивается основной элемент, который в дальнейшем будет присутствовать во всех понятиях медиаграмотности – это критическая оценка.

Однако, разумеется, это не единственное определение медийной грамотности. Существуют также довольно современные трактовки феномена, которые на первый план ставят не столько какие-то конкретные позиции, будь то критическая оценка информации или способы её подачи, а аспекты, которые накладывает на эволюцию медийной грамотности окружающий мир, в частности диджитал сфера. Интересно в этом плане уточнение исследователя Е. Перович, которая в своих работах говорит о том, что понимание медиаграмотности сильно зависит от развития цифровых технологий в современном мире [10]. Также, рассматривая медиаграмотность в Черногории, она отмечает тот факт, что таким странам Европейского союза, как Черногория, необходимо более последовательно подходить к формированию медийной грамотности и нужна конкретная стратегия, которая бы учитывала специфику государства и была консолидирована со спецификой медиаграмотности в ЕС. Однако она довольно мало говорит об явлении цифрового неравенства в Черногории и в целом о специфическом историческом наследии данной страны и ряде других факторов, которые дают значительный отпечаток на специфике формирования медиаграмотности.

В противовес данному определению можно отчасти представить определе-

ние медиаграмотности, представленное британскими исследователями Ричардом Уолесом и Дэвидом Бакингом. Они в своих работах отмечают тот факт, что на данный момент понятие медиаграмотности, конечно, довольно важное в Великобритании, отчасти считается элементом культурной политики – в связи с тем, что власти не достаточно занимаются его проработкой и недостаточно финансируют такого рода исследования. Также они говорят о том, что медиаграмотность неверно понимать исключительно лишь как своеобразное критическое мышление, так как данный феномен значительно шире указанных рамок [12].

Также стоит сказать пару слов о развитии медиаграмотности или медиакомпетентности в Германии, здесь законодателем в данной области можно считать Дитера Баака. Его работы с 1990-х гг. (собственно, после падения Берлинской стены) становятся популярными. И он в них говорит именно о развитии медиакомпетентности (именно так звучит «медиаграмотность» в немецком языке). Он делит термин как бы на четыре важные составляющие – критическое мышление, медиаориентирование, медиапотребление и медиадизайн (*Medienkritik, Medienkunde, Mediennutzung und Mediengestaltung*)¹. В разрезе его представлений можно говорить о том, что медиаманипуляция общественным сознанием или мнением достигается за счёт воздействий на наше восприятие через зрение (это медиадизайн); через возможность ориентироваться в информационных потоках, зачастую у рядового потребителя их очень много, а времени на фактическое ориентирование мало; через большие объемы контента, которые сыплются на каждого человека (например, мало кто может из рядовых граждан описать всю хронологию

¹ Книга Baacke D., Micos L., Lauffer J., Kornblum S., Thiele G. *Medienpädagogik: Medienkompetenz* доступна для зарегистрированных пользователей на портале научной информации: https://www.researchgate.net/publication/265091933_Medienpaedagogik_Medienkompetenz

гию событий Сирийского конфликта, хотя уже длительный период все СМИ только про него и сообщают), также через невозможность критически воспринимать информацию ввиду доверия, например, конкретным СМИ.

В целом можно довольно долго рассматривать представления европейских учёных о медиаграмотности и медиакомпетентности, при этом в каждой стране они будут иметь определенный оттенок. Общим для всех них является параметр критического мышления, в целом, как и российские исследователи, они сходятся в том, что это ключевой навык для ориентирования в современных медиапотоках, для обеспечения личной информационной безопасности и отчасти – государственной, ведь в нашем веке довольно важно не попасться на фейк-ньюз и не дать себя обмануть.

Европейские документы о развитии медиаграмотности

В Европе похожая структура функционирует в рамках так называемой Хартии медиаграмотности, с содержанием которой можно ознакомиться на специальном сайте¹. Она способствует, согласно документу, налаживанию связей между европейскими странами и организациями внутри Европейского союза. Можно подписать хартию как частное лицо и как организация. Интерфейс сайта доступен на нескольких европейских языках, что упрощает функционирование сайта. Также доступен полный список подписавших хартию частных лиц, спонсоров и организаций-поставщиков услуг, которые в общем-то берут на себя обязательства по реализации различных проектов в рамках положений хартии. Довольно интересный документ, который нельзя отнести к законодательным, а скорее – к рекомендательным.

Но этот документ – не единственный, регулирующий процессы развития

¹ См.: сайт *The European Charter for Media Literacy* (<https://euromedialiteracy.eu>).

медиаграмотности у населения. Одним из признанных лидеров по развитию направления медиаграмотности в Европе можно считать Великобританию. Это государство, в котором впервые появляется юридический закон, закрепляющий роль некоего новостного регулятора за определенной структурой *Ofcom*. Однако практически сразу после возникновения этой организации её активность постепенно затухает [12]. И также интересный факт, что в самом законодательном акте в целом не особенно чётко прописывается, что же такое медиаграмотность. В общем-то британская общественность и учёные до сих пор неоднозначно оценивают деятельность *Ofcom*. Отчасти её фактически признали бесполезной в развитии медиаграмотности на данном этапе.

Международная организация ЮНЕСКО сформулировала пять правил медийной и информационной грамотности², которые и предлагает. Их, пожалуй, можно отнести к рекомендательным. Однако они существуют и заключаются в следующем: 1) все существующие информационные источники равны по статусу и ни один из них не является более значимым, чем другой, и они предназначены для развития критической гражданской активности и устойчивого развития страны; 2) каждый гражданин может создавать информационные сообщения; 3) знания и информация не всегда нейтральны и непредвзяты и использование медийной и информационной грамотности делает их более прозрачными; 4) каждый гражданин имеет право получать новую информацию и его права не должны быть ущемлены; 5) медийная и информационная грамотность приобретается не сразу. Это живой и динамичный процесс. Грамотность является полной, когда включает знания, навыки и установки,

² См.: *Five Laws of Media and Information Literacy* [Электронный ресурс] // UNESCO. – URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/media-development/media-literacy/five-laws-of-mil/> (дата обращения: 10.11.2019).

охватывает доступ, оценку, использование, производство и передачу информационного, медийного и технологического контента. Возможно, это выглядит довольно обобщенно и непоследовательно, однако такие законы или правила существуют. Частично они лежат в основе национальных законодательных актов в странах Европы, которые регулируют развитие медиаграмотности.

Также нельзя никак пройти мимо резолюции Европейского Парламента от 16 декабря 2008 г. по медиаграмотности в мире цифровых технологий¹. Это максимально общий юридический и политический документ, основной ценностью которого является признание важности медиаграмотности в современном мире. В нём также говорится о том, что для современного общества медиаграмотность и медиаобразование – это ключевые явления. Документ подчеркивает, что медианеграмотный человек значительно менее защищён, чем медиаграмотный. Для повышения уровня защищённости таких граждан парламентарии предложили государствам ЕС выработать свои национальные программы по повышению уровня медиаграмотности. Как и все документы Европейского Парламента, это довольно общий документ и в целом не учитывает специфику развития всех стран Европейского союза, а также, наверное, феномен цифрового неравенства, который, например, более заметен в странах, которые ранее входили в Югославию, чем в той же Великобритании или Скандинавских странах. И вообще не только ряд аспектов, но и сам факт признания на таком высоком уровне важности ме-

диаграмотности очень значителен и, возможно, отчасти направлен на формирование единого европейского общества, в котором медиаграмотность развивается в некоем общем ключе.

Выводы

Авторами суммированы далеко не все подходы, которые так или иначе исследуют проблему медиаграмотности в России и за рубежом. Здесь важен тот факт, что всех их объединяет, пожалуй, не столько стремление дать какие-либо новые знания для граждан, сколько момент информационной безопасности человека и гражданина, которые оказываются беспомощными перед значительными информационными потоками современности, реализуемыми с манипулятивными целями [9]. Медиаграмотность выступает в качестве комплексного феномена, позволяющего массовым аудиториям защищаться в том числе от манипулятивных воздействий и участвовать в реализации информационной безопасности.

Таким образом, в современном мире существует некий плюрализм в понимании медиаграмотности как отдельного феномена. Однако обилие всех дефиниций сходится в том, что для современного человека становится жизненно важно ориентироваться в информационных потоках, которые существуют. Навык критически оценивать информацию становится также необходим не только на индивидуальном, но и на государственном уровне. Всевозможные непроверенные или намеренно недостоверные новости постоянно появляются в медиaprостранстве, и защититься от такой информации, с точки зрения неподготовленного обывателя, просто невозможно.

Статья поступила в редакцию 18.11.2019

¹ European Parliament resolution of 16 December 2008 on media literacy in a digital world [Электронный ресурс] // European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0598+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения 09.11.2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Жижина М. В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования // Медиаобразование. 2016. № 4. С. 47–65.
2. Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 70–75.
3. Казаков А. А. Медиаграмотность в контексте политической культуры: к вопросу об определении понятия // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 4. С. 78–97.
4. Немирич А. А. Медиаграмотность, как результат медиаобразования детей дошкольного возраста // Медиаобразование. 2011. № 2. С. 47–55.
5. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.
6. Тульчинский Г. Л. Информационные войны как конфликт интерпретаций, активизирующих «третьего» // Символическая политика. 2012. № 1. С. 251–261.
7. Федоров А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2009. 234 с.
8. Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 616 с.
9. Bykov I. A., Balakhonskaya L. V., Gladchenko I. A., Balakhonsky V. V. Verbal aggression as a communication strategy in digital society // Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop. Saint-Petersburg, 2018. P. 12–14.
10. Perović J. Media Literacy in Montenegro // Media and Communication. 2015. Vol. 3. Iss. 4. P. 91–105.
11. Potter W. J. The State of Media Literacy // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2010. Vol. 54 (4). P. 675–696.
12. Wallis R., Buckingham D. Media literacy: the UK's undead cultural policy // International Journal of Cultural Policy. 2016. Vol. 25 (2). P. 188–203.

REFERENCES

1. Zhizhina M. [Media literacy as a strategic goal of media education]. In: *Mediaobrazovanie*, 2016, no. 4, pp. 47–65.
2. Il'chenko S. [Fake as antihistamic information: risk to professional standards of journalism]. In: *Gumanitarnyi vektor*, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 70–75.
3. Kazakov A. [Media literacy in the context of political culture: the question of the definition of]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2017, no. 4, pp. 78–97.
4. Nemirich A. [Media literacy as a result of media education of preschool children]. In: *Mediaobrazovanie*, 2011, no. 2, pp. 47–55.
5. Popova O., ed. «Politika postpravdy» i populizm ["The politics of posttrade" and populism]. St.-Petersburg, Skifiya-print Publ., 2018. 216 p.
6. Tul'chinskii G. [Information wars as a conflict of interpretations, activating the "third"]. In: *Simvolicheskaya politika*, 2012, no. 1, pp. 251–261.
7. Fedorov A. Mediaobrazovanie: vchera i segodnya [Media education: yesterday and today]. Moscow, MOO VPP YUNESKO «Informatsiya dlya vsekh» Publ., 2009. 234 p.
8. Fedorov A. Razvitiye mediakompetentnosti i kriticheskogo myshleniya studentov pedagogicheskogo vuza [Development of media competence and critical thinking of students of pedagogical University]. Moscow, Informatsiya dlya vsekh Publ., 2007. 616 p.
9. Bykov I., Balakhonskaya L., Gladchenko I., Balakhonsky V. Verbal aggression as a communication strategy in digital society. In: *Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop*. Saint-Petersburg, 2018, pp. 12–14.
10. Perović J. Media Literacy in Montenegro. In: *Media and Communication*, 2015, vol. 3, iss. 4, pp. 91–105.
11. Potter W. J. The State of Media Literacy. In: *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2010, vol. 54 (4), pp. 675–696.
12. Wallis R., Buckingham D. Media literacy: the UK's undead cultural policy. In: *International Journal of Cultural Policy*, 2016, vol. 25 (2), pp. 188–203.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: i.bykov@spbu.ru

Медведева Мария Владимировна – аспирант кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: magma.air@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilya A. Bykov – Dr. Sci. (Polit.), Ass. Prof., Department of PR in Politics and Public Administration, Saint Petersburg State University; e-mail: i.bykov@spbu.ru

Maria V. Medvedeva – PhD student, Department of PR in Politics and Public Administration, Saint Petersburg State University; e-mail: magma.air@yandex.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Быков И. А., Медведева М. В. Медиаграмотность как часть системы информационной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 24–32.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-24-32

FOR CITATION

Bykov I., Medvedeva M. Medialiteracy as part of the information security system. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 24–32.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-24-32